

В настоящее время под термином «диаспора» чаще всего подразумевается группа этнического меньшинства, живущая в инородном этническом окружении. Именно в этом смысле он давно и прочно вошел в лексикон политиков. В научной литературе термин трактуется шире: под ним понимается и группа конфессионального меньшинства¹.

Роль диаспор в экономической сфере, как правило, непропорционально значима относительно их величины. И в наше время эта закономерность имеет стойкую тенденцию к дальнейшему резкому усилению, что делает проблему все более актуальной.

Социально-экономическая роль диаспоры в наше время

С. В. СТРЕЛЬЧЕНКО,
Волгоград



О ключевых терминах и поле исследования

В отечественной и зарубежной литературе существуют сотни определений диаспоры, но единого общепринятого нет. На это указывает, например, А. Милитарев: «В современной литературе термин этот достаточно произвольно применяется к самым разным процессам и явлениям, с вкладыванием в него того смысла, который считает нужным придать ему тот или иной автор или научная школа»².

В статье под диаспорой понимается любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное меньшинство, объединенное общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности.

Сам факт наличия меньшинства не означает существования диаспоры, поскольку его представители могут выбрать путь индивидуальной адаптации путем ассимиляции. Следовательно, диаспорой является лишь то меньшинство, которое обладает институтами внутренней консолидации.

Бесспорно, в перспективе возможно исчезновение диаспор или же их трансформация в общности иного рода – субэтноты, касты и т. д. Но, несомненно, диаспора – достаточно долговременная общность. Диаспоры существуют века и даже тысячелетия – сроки, соизмеримые с существованием таких субъектов культурно-исторического процесса, как этнос и государство.

Диаспору принято рассматривать в связи со страной исхода и страной нового места жительства. При этом под «страной» в различных источниках подразумевается как государство, так и культурно-исторический регион. В данной статье это – культурно-исторический регион, что не тождественно употребляемому в ней термину «государство».

Пример тому – современные немецкие, польские и итальянские диаспоры, время появления которых в странах Нового Света относится к периоду, когда ареалы названных этносов были разделены границами множества госу-

¹ См., напр.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.

² Милитарев А. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспора. 1999. № 2.

дарств. Но члены диаспоры связывают себя с Германией, Италией, Польшей как культурно-историческими регионами и могут не помнить о конкретных государствах – местах эмиграции.

Судя по древнейшим письменным источникам и этнографическим материалам об этносах, имеющих догосударственные формы социальной организации, диаспоры как субъекты культурно-исторического процесса столь же древни, как сами этносы и конфессиональные общности³.

Поскольку история человечества неотделима от экономики, диаспоры изначально являлись субъектами экономических процессов. При этом с древнейшего времени прослеживаются многие из существующих в современности общих закономерностей.

Диаспоры могут играть в экономике непропорционально большую относительно своей величины роль. Эта закономерность объясняется рядом причин.

□ 1. Представители диаспорного меньшинства могут обладать специфическими трудовыми навыками, которыми в меньшей степени обладают или не обладают вовсе представители окружающей диаспору внешней среды. Так, например, в период с конца XVIII века по 1917 г. армянские диаспоры Поволжья подтверждали правило о непропорционально большом вкладе диаспоры в экономику на примере ее торгово-промышленной сферы, а украинское меньшинство региона практически монополизировало соляной промысел⁴.

Подобная очень узкая специализация диаспоры в какой-либо области экономики не является единичным примером. В начале XIX века выходцы с Гаити на Кубе специализировались на производстве кофе, который был мало известен на острове как сельскохозяйственная культура. В 70-е годы XX века корейцы городских диаспор Латинской Америки

³ Бромлей Ю., Полоцкий Р. Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990; Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 135–152; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980; Туголуков В. А. Тунгусы Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

⁴ Стрельченко С., Согоян Н. Армяне и украинцы на территории Волгоградской области // Сборник методических и информационных материалов. Вып. 3 / ВОУНБ им. М. Горького. Волгоград, 2002.

контролировали торговлю готовой одеждой⁵. В Древнем Египте дальнейшее мореплавание являлось специфической областью деятельности этнических финикийцев.

Специфические трудовые навыки и род экономической деятельности могут быть связаны с конкретными этнокультурными особенностями, носители которых – члены диаспор.

Но эта закономерность не является универсальной. Так, например, в начале XX века для русских в Париже была характерна профессия водителя такси. Прямой связи с особенностями этнической культуры здесь нет. Но гусеводство – одна из традиционных отраслей русского крестьянского хозяйства, и это прослеживается, в частности, на примерах русских молоканских диаспор в странах Ближнего и Дальнего зарубежья. Во втором случае экономическая деятельность имеет явную этническую, следовательно, этнодиаспорную маркировку.

Можно привести огромное количество подобных примеров. Причина здесь в том, что этносы связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами. Последние формируются под действием географо-климатических и социальных условий, отражаются в трудовых навыках и, соответственно, влияют на социально-экономическую роль диаспоры.

С развитием межэтнической интеграции, идущей взаимосвязанно и параллельно с развитием интеграции экономической, традиционные навыки и продукты производства значительно реже воспринимаются как имеющие этническую маркировку.

Но даже в эпоху глобализации существуют многочисленные рестораны национальных кухонь, сувенирные и антикварные магазины и т. д. Все это в совокупности дает значительный вклад в производство и сферу обслуживания.

□ 2. Диаспоры могут владеть непропорционально большой долей денежного капитала и собственностью других

⁵ *Александренков Э. Г.* Этнические аспекты формирования и развития кубинской нации // *Расы и народы.* 1978. № 8. С. 130–152; *Квангю Ли.* Корейская диаспора в мировом контексте // *Этнографическое обозрение.* 1993. № 3. С. 27–40.

видов. Это дает возможность дальнейшей концентрации собственности, ведя к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики, вплоть до их полной монополизации. Пример тому – известные с древнейших времен по настоящее время торговые меньшинства. Так, например, в странах Юго-Восточной Азии сфера торговли была в основном под контролем китайских, индийских и арабских диаспор. В странах Черной Африки со Средних веков значима роль индийских и арабских, в частности, ливанских торговых меньшинств⁶. Торговое меньшинство существовало даже в государстве инков – обществе, которое практически не знало института торговли. Одно из этнических меньшинств – мандата – было социально организовано в замкнутую корпорацию и пользовалось правом экстерриториальности, имея диаспоры в разных частях империи инков и за ее пределами⁷.

С приходом капитализма торговые диаспоры начинают заниматься не только торговлей, но и организацией производства. Поэтому в наше время их вернее будет назвать «торгово-предпринимательскими».

□ 3. Социально-демографическая структура диаспор как предпосылка к лидерству в экономике. Самый известный из всех вариантов генезиса диаспор – их появление в результате переселения с исторической родины. Анализ показывает, что во множестве случаев группу переселенцев нельзя рассматривать просто как «сколок с этноса»⁸, его механически отделенную часть, внутренняя структура которой один к одному отражает структуру исходной общности.

Мигрантов отличает ряд признаков: половозрастной состав, уровень образования и профессиональной подготовки, психологические характеристики. В потоке мигрантов

⁶ Симония Н. А. Торгово-ростовщический капитал в Азии. М.: Наука, 1973; Матусевич А. Индийский бизнес в Восточной и Южной Африке // Азия и Африка. 2004. № 3. С. 42–44; Дятлов В. М. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Востока и Тропической Африке. М., 1996; Родионов М. А. Ливанская эмиграция и ее проблемы // Расы и народы. 1979. № 9. С. 254–262.

⁷ Березкин Ю. Б. Инки: исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991.

⁸ См., напр.: Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–64.

преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего, как правило, энергичные и предприимчивые. Таким образом, мигранты более экономически активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности.

Явление это отчасти стихийно, отчасти целенаправленно контролируется со стороны государств, заинтересованных в притоке или ограничении каких-либо категорий мигрантов. Многие государства практиковали вербовку или, наоборот, вводили ограничительные квоты в соответствии с возрастным, профессиональным, имущественным и т. д. уровнем мигрантов.

Как следствие этих стихийного или целенаправленного отбора экономическая роль диаспоры может быть выше среднего показателя в окружающем социуме, что проявляется, в частности, в уровне жизни, который может быть значительно выше, чем на исторической родине.

Так, например, в США конца XX века суммарный доход диаспор азиатского происхождения значительно превышал средний: 22,1 тыс. дол. на семью против среднестатистического – 16,8 тыс. дол. Он даже несколько выше, чем у белых американцев, доход которых составлял 20,8 тыс. дол. (по данным на 1984 г.)⁹. При этом японцы и выходцы из Южной Кореи составляли лишь меньшую часть азиатской диаспоры, ее основой были китайцы, вьетнамцы, филиппинцы, индийцы, иранцы и выходцы из других стран Азии. Таким образом, подавляющее большинство членов азиатских диаспор переселились из стран, где уровень жизни значительно ниже американского. Аналогичная закономерность прослеживается у некоторых русских и русскоязычных диаспор США, в частности, на Аляске¹⁰.

□ 4. Корпоративность как преимущество в экономической деятельности. В то время как большая часть индивидуумов окружающей среды социально атомизирована, представители

⁹ Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998.

¹⁰ Нитобург Э. Л. Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–55; Нитобург Э. Л. Русские в Америке – интеграция или ассимиляция // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 82–104.

диаспор используют преимущество корпоративности. При этом она может быть как внутренней, так и внешней.

Внутренняя корпоративность проявляется во взаимопомощи, которую члены диаспоры оказывают друг другу. Она действует и в экономической сфере в виде помощи при адаптации вновь прибывших, включая трудоустройство, льготных финансовых ссуд, предпочтения при деловых контактах и т. д.

С развитием международной интеграции все большее значение приобретает внешняя корпоративность. Диаспора может быть связана со множеством разного рода общностей: с государством – местом исхода, материнским этносом, другими диаспорами той же этнической или конфессиональной принадлежности. Часто она имеет контакты с другими диаспорами или общностями, так или иначе связанными с ней культурно и исторически. Так, например, в конце XX века русские Ирана имели связи с армянской общиной. Калмыки США сближаются, с одной стороны, с русской, с другой – с японской диаспорами. Являясь выходцами из Польши, белорусы Аргентины были ориентированы на Россию как на государство близкого этноса¹¹.

По мнению В. А. Тишкова, в наше время «обязательность “исторической родины” уходит из диаспорного дискурса. Связь выстраивается с такими глобальными метафорами, как “Африка”, “Ислам”»¹².

Такая закономерность действительно существует, но не замещает все остальные. К тому же она не является абсолютно новой. В начале I тыс. н. э. в Индии существовали диаспоры яванов, которые связывали себя с такой «глобальной метафорой», как греко-римский западный мир. С другой стороны, современные диаспоры этносов пост-Югославии и Ливана имеют очень узколокальное самосознание.

¹¹ Жигалкина О. Подходы к решению национального вопроса // Азия и Африка. 1999. № 2. С. 30–56; Тишков В. А. Теория диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 45; Жуковская Н. Л. Калмыкия и калмыки в постперестроечное время // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 14–28; Руденко А. В. Белорусы в Аргентине // Расы и народы. 1979. № 9. С. 259–268.

¹² Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры.

Указанная многоплановость создает возможность множества вариантов внешней корпоративности. Вследствие этого диаспоры могут лоббировать экономические интересы общностей, с которыми связаны, и, в свою очередь, получать от них экономическую помощь.

Примером современных узколокальных экономических связей могут быть итальянские, греческие и, отчасти, китайские диаспоры Новой Зеландии. Эти связи проявляются в экономической сплоченности, заметной по значительной однородности деятельности. Для греков характерно занятие ресторанным бизнесом, для итальянцев – пригородное садоводство. О ней свидетельствует также эффект «цепной миграции» – мигранты прибывают из одних деревень и городских районов Греции и Италии, большая часть китайцев – из Гонконга и прилегающей территории Южного Китая¹³.

Ярким примером экономической ориентации на «глобальные метафоры» является мусульманская община Великобритании. Она лоббирует политические и экономические интересы не только конкретных этносов и государств, но и исламского мира в целом, включая те его части, что не давали притока мигрантов в нее. Уже в XIX веке она отстаивала интересы как суннитской Османской империи, так и шиитского Ирана¹⁴.

Но чаще всего диаспоры ориентированы на конкретные государства и этносы, и именно эти варианты обычно реализуются в экономической сфере. В том случае, если материнский этнос представлен в виде отдельного суверенного государства, векторы связи диаспоры с этносом и государством практически совпадают. Так, например, армяне диаспор конца XIX – начала XX века были ориентированы на основную часть своего этноса, ареал которого находился в границах Османской империи, а также на другие армянские диаспоры, но не на государство «Османская империя», которое не являлось выразителем их политических и экономических интересов.

¹³ Соколов Б. В. Население Новой Зеландии // Расы и народы. 1987. № 9. С. 51–56.

¹⁴ Ланда Р. Мусульмане в Великобритании // Азия и Африка. 2000. № 9. С. 51–56.

У китайских диаспор векторы этнической и государственной ориентации совпадают. Таким образом, они много веков поддерживают экономические связи как с государством, так и со своим этносом, который существует и в форме этносоциального организма «государство Китай», и в форме диаспор в других государствах. С развитием международной интеграции экономические связи китайских диаспор со своими этносоциальными организациями (Китаем, Тайванем) и между собой имеют тенденцию к усилению, и в результате растет их роль в окружающем социуме. Так, например, китайцы Вьетнама, составляя около 1% населения, дают вклад в ВВП страны 20%¹⁵. Аналогичная ситуация сложилась в Индонезии, Малайзии и в ряде других государств Юго-Восточной Азии. При этом китайцы диаспор используют связи не только с исторической родиной, но и активно сотрудничают на уровне разделенных границами государств диаспор, в результате зарубежные инвестиции получают именно те отрасли экономики, в которых заняты китайцы.

Подобная практика может способствовать одновременному экономическому развитию окружающего социума, самих диаспор и общностей, на которые они ориентированы.

О новых тенденциях в экономической жизни диаспор

Все связанные с диаспорой экономические процессы развиваются в русле более широких этнических, социальных и экономических тенденций современности. Их удачное обобщение дали в совместной работе И. Абрамова и К. Штоль:

«Одним из важнейших последствий глобализации стал рост географической мобильности рабочей силы. Огромные массы людей в относительно короткие временные промежутки меняют место обитания, род поселений, сферу деятельности, характер веками складывающихся представлений и привычек. При этом они оказываются в новой, непривычной для себя среде, среди людей, имеющих дру-

¹⁵ Кочкин П. Хуацяо во Вьетнаме // Азия и Африка. 2003. № 12. С. 20–25.

гой жизненный уклад, другую систему светских и религиозных ценностей и говорящих на другом языке»¹⁶.

Среди причин роста миграций можно выделить:

1) демографический вакуум в экономически развитых государствах и высокий прирост народонаселения во многих менее экономически развитых странах;

2) предпочтение работодателями дешевой рабочей силы, включая труд менее социально защищенных нелегалов;

3) развитие информационных и транспортных коммуникаций в сочетании с облегчением возможности легального и нелегального пересечения границ государств.

Существуют две тесно взаимосвязанные тенденции:

- увеличение удельного веса диаспор во внутренней структуре этносов;
- стирание граней между «диаспорными» и «недиаспорными» этносами.

Согласно Ю. И. Семенову, «этнос может состоять из:

1) *этнического ядра* – компактно живущей на определенной территории основной части этноса;

2) *этнической периферии* – компактных групп представителей данного этноса, так или иначе отделенных от основной его части;

3) *этнической диаспоры* – отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности»¹⁷.

Есть этносы, история которых традиционно связана с диаспорой, и этносы, история которых практически не знает ее института. Примером первых могут быть евреи, чей этнос веками существовал только в форме диаспор. Вторых – корейцы, доля которых за пределами страны была незначительна. Но за короткий срок, за последние десятилетия XX века, корейский этнос резко сменил позицию, став одним из самых «диаспорных», на что указал Ли Квангю в докладе

¹⁶ Абрамова И., Штоль К. Арабская миграция в Германию: стимулятор экономического роста или социальная и культурная угроза? // Азия и Африка. 2003. Т. 10. С. 15–22.

¹⁷ Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64–74.

на I международной конференции «Корейское зарубежье в общемировом контексте»:

«В наши дни более 5 млн корейцев (а это примерно 8,3% населения Корейского полуострова) проживает за его пределами. Корейская диаспора является второй по численности в мире, уступая только китайской. По процентному соотношению с населением страны происхождения корейцы уступают лишь ирландцам, но они лидируют по числу стран их иммиграции. Представители корейской диаспоры проживают в более чем 70 государствах: в Азии, Европе, Северной и Южной Америке и в Австралии».

Таким образом, рост абсолютной и относительной доли диаспор ведет, соответственно, к увеличению абсолютного и относительного их вклада в экономику.

Стирание граней между «диаспорными» и «недиаспорными» этносами ведет к ослаблению этнической (и этнодиаспорной) специализации, что сказывается, в частности, на уменьшении роли традиционных торговых меньшинств, на что указывал, например, Э. Геллнер¹⁸.

Ранее потоки мигрантов оседали в тех регионах, природно-климатические условия которых напоминали место исхода (торговых меньшинств и жителей городов указанная закономерность касается в меньшей степени). Пример тому – британцы в Индии и Северной Америке. В первом случае большая часть стремилась к возвращению, во втором – обосноваться. Подобное явление складывалось как стихийно, так и планировалось на уровне политики государств. Существовали проекты переселения шотландцев в горные районы северной Индии, русских – на север Квебека и т. д.

В эпоху глобализации при росте урбанизации связь между природно-климатической средой и этнической спецификой слабеет, и в результате идет развитие диаспор в резко отличных природно-климатических условиях – вьетнамцы Сибири, филиппинцы Аляски. Члены подобных диаспор заняты в промышленных отраслях, а не в сельском хозяйстве.

Ранее члены диаспор, сохраняя этническую и конфессиональную принадлежность, меняли гражданство, и в резуль-

¹⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

тате диаспоры становились ассоциированными частями других наций, как, например, украинцы в Канаде, японцы в Бразилии. Торговых меньшинств это касалось в меньшей степени, так как они могли иметь значительные внешне-экономические связи и совершать маятниковые миграции.

В эпоху глобализации такая, ранее частная, закономерность становится одной из всеобщих. Растет количество людей, имеющих двойное гражданство, одновременно участвующих в экономической жизни двух и более государств, наций и этносов. Так, например, вкладывая труд в экономику одних государств, они направляют заработанные средства на историческую родину, платят двойные налоги и т. д.

Как совокупность всех новых процессов развивается тенденция магистральная: диаспоры играют все большую роль в экономической сфере. При этом их экономический потенциал становится соизмеримым и даже превосходит экономический потенциал государств и этносов на основной территории, а также государств и этносов, которые образуют среду. Так, например, кубинская диаспора США имеет доход, превышающий весь валовый национальный доход Кубы¹⁹. Азербайджанцы диаспор России и СНГ ежегодно отправляют на родину 150–200 млн дол., или 1,8–2,4 млрд руб., что в три раза превышает годовой бюджет государства²⁰.

В конце 70-х годов прошлого века японцы Бразилии владели 5,8 млн га сельскохозяйственных угодий, в то время как в самой Японии площадь всей обрабатываемой земли – 5 млн га. Они составляли 2,5% от населения Бразилии, давая на внутренний рынок от 60 до 100% различных видов сельхозпродукции. При этом вместе с ростом экономической роли японской диаспоры шло увеличение инвестиций со стороны Японии. Только за 1972–1974 гг. инвестиции японской диаспоры переместились с 6-го на 2-е место, уступая лишь США²¹.

Таким образом, диаспора становится одним из важнейших субъектов социально-экономических процессов нашего времени.

¹⁹ Тишков В. А. Теория диаспоры. С. 48–49.

²⁰ Гумер А. Стратегические приоритеты: расчеты и реальность // Азия и Африка. 2000. № 9. С. 2–11.

²¹ Савельев И. Р. Японцы к югу от Рио-Гранде // Латинская Америка. 1991. № 3. С. 54–57.